

0- 782983

На правах рукописи

ФУНИКОВА СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА

**ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЦИКЛОВ
ПРЕДРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА
(«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И.С. ТУРГЕНЕВА
И «ГУБЕРНСКИЕ ОЧЕРКИ»
М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА)**

10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Елец – 2010

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук
профессор **З.Т. Прокопенко**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор **Т.П. Дудина**,

кандидат филологических наук
доцент **А.В. Останкович**

Ведущая организация: Волгоградский государственный
педагогический университет

Защита состоится 13 апреля 2010 г. в 10 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.059.01 по защите докторских и
кандидатских диссертаций в Елецком государственном университете
имени И.А. Бунина по адресу: 399770, Липецкая область, г. Елец,
ул. Коммунаров, д. 28, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в научном отделе
библиотеки Елецкого государственного университета имени
И.А. Бунина по адресу: 399770, Липецкая область, г. Елец,
ул. Коммунаров, д. 28, ауд. 300.

Автореферат разослан «10» марта 2010 года

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000726972

Ученый секретарь
диссертационного совета

А. А. Дякина —

А. А. Дякина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена исследованию поэтики циклов двух великих писателей И.С. Тургенева и М.Е. Салтыкова-Щедрина. В 1850-е годы они предлагают новые жанрообразовательные формы и в значительной степени определяют развитие литературного процесса.

Объектом диссертационного исследования стали циклы предреформенного периода И.С. Тургенева и М.Е. Салтыкова-Щедрина («Записки охотника» и «Губернские очерки»).

Предметом работы является жанрово-повествовательные особенности циклов.

Проблематика и отдельные вопросы поэтики «Записок охотника» и «Губернских очерков» рассматривались в литературоведческих трудах А.И. Батюто, Н.П. Генераловой, В.А. Ковалева, Г.Б. Курляндской, Ю.В. Лебедева, В.М. Марковича, А.Б. Муратова, В.А. Чалмаева; А.С. Бушмина, С.А. Макашина, Д.П. Николаева, Е.И. Покусаева, З.Т. Прокопенко, В.В. Прозорова. Хотя ученые, занимающиеся исследованием творчества и И.С. Тургенева и М.Е. Салтыкова-Щедрина, отмечают устойчивый интерес писателей к циклизации художественных форм, но в большинстве работ уделяется недостаточное внимание принципам циклизации и циклообразующим факторам анализируемых произведений.

В последние десятилетия значительно обострился интерес к циклам только М.Е. Салтыкова-Щедрина. В статьях В.Ф. Козьмина, монографии Ю.В. Лебедева, диссертациях Г.А. Абдулиной, Е.В. Качуры, в монографии Л.Е. Ляпиной и др. продолжилось осмысление роли цикличности как важнейшего, определяющего принципа творчества сатирика. Тогда как цикл «Записки охотника» И.С. Тургенева остается вне интересов исследователей с точки зрения циклообразования. Поэтому очевидно, что и сегодня есть насущная необходимость в более глубоком исследовании наиболее значимых для предреформенного периода циклов И.С. Тургенева и М.Е. Салтыкова-Щедрина в сравнительно-типологическом плане.

Теоретическое осмысление обширной литературы по проблеме циклообразования, в котором рассматриваются лирические (М.Н. Дарвина, В.А. Сапогова, И.В. Фоменко), прозаические (Н.К. Гей, Е.В. Качуры, Г.А. Киричок, Ю.В. Лебедева, Л.Е. Ляпиной, Ю.К. Руденко, Г.И. Соболевской, Н.Н. Старыгиной, А.С. Янушкевича) и драматические (А.И. Журавлева) циклы, позволяет пересмотреть «Записки охотника» И.С. Тургенева и «Губернские очерки»

М.Е. Салтыкова-Щедрина под новым углом зрения и выявить их жанровое своеобразие. В то же время традиционный подход отечественного литературоведения к исследуемым произведениям не охватывает сложной и давно назревшей проблемы изучения этих циклов как жанровых образований в их внутренней связи с полижанровой природой входящих в них текстов.

Все вышесказанное и обусловило актуальность выбранной темы.

Научная новизна диссертационной работы определяется тем, что:

- поэтика циклов И.С. Тургенева и М.Е. Салтыкова-Щедрина впервые становится предметом специального системного анализа;
- исследование является первым опытом монографического осмысления художественной природы изучаемых произведений, в котором дается более полное представление о цикле, его идейно-художественном своеобразии и эстетическом потенциале;
- в жанровом аспекте исследуемые циклы рассматриваются как целостные и системные явления, определяемые диагностированными пространственно-временными и жанрово-родовыми взаимодействиями.

Целью диссертационной работы является изучение поэтики циклов И.С. Тургенева и М.Е. Салтыкова-Щедрина в корреляции жанроформирующих факторов и средств.

С целью исследования связано решение следующих задач:

1. Определить идейно-эстетические функции цикла предреформенного периода;
2. рассмотреть синтетические формы циклов, в художественной структуре которых происходит интеграция принципов и приемов разных жанров;
3. выявить основные циклообразующие факторы, обусловленные особенностями жанрового образования;
4. охарактеризовать субъектно-объектную организацию циклов, проследить эволюцию форм повествования.
5. раскрыть циклообразующие функции художественного времени и пространства.

Методологической основой работы являются сравнительно-сопоставительные принципы изучения поэтики художественного текста, исследования в области жанра, метода и стиля М.М. Бахтина, А.С. Бушмина, В.В. Виноградова, Б.О. Кормана, Ю.М. Лотмана, В.М. Марковича, С.М. Петрова, З.Т. Прокопенко, П.Г. Пустовойта; современные исследования В.М. Головки, Е.В. Качуры,

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО
КАЗАНСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА

В.С. Пушкиревой, Б.А. Успенского, а также исследования О.Г. Егоровой и Л.Е. Ляпиной по проблеме циклизации.

Методы исследования: структурно-семантический, историко-литературный, сравнительно-типологический, генетический.

Теоретическое и научно-практическое значение работы состоит в том, что её результаты могут быть учтены в историко-литературных и теоретических исследованиях по проблемам цикла. Материалы, выводы и обобщения могут быть использованы при подготовке общих и специальных курсов по истории русской литературы XIX века как в средних, среднеспециальных, так и в высших учебных заведениях, а также для дальнейшего освоения исследуемой темы и связанных с ней проблем.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В 50-60-е годы XIX века циклы «Записки охотника» И.С. Тургенева и «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина стали событиями в литературной и социальной жизни России предреформенного времени, которые повлияли не только на литераторов-современников, но и способствовали становлению общественного сознания.

2. Для циклов Тургенева и Салтыкова-Щедрина как жанровых образований характерно отсутствие четко закрепленной одной жанровой формы, так как их полижанровый характер предоставлял максимальные возможности для подведения итогов национального развития в кризисную предреформенную эпоху.

3. Циклообразующая роль в произведениях принадлежит заголовочному комплексу (заглавию, подзаголовок и эпиграфам), образу автора, образу дороги, сюжетно-композиционной организации.

4. Портретные детали и характеристики в «Записках охотника» И.С. Тургенева указывают на «косвенный психологизм»; психологическая сторона жизни в «Губернских очерках» М.Е. Салтыкова-Щедрина заключена в пунктирном и частичном описании только что зарождающейся внутренней жизни человека через социальную модель общества.

5. Повествовательной системе обоих циклов присуща «персонализация повествования», при которой господствующей доминантой в характеристике действительности является точка зрения автора-повествователя; она выражается в авторских отступлениях, обращениях к читателю.

6. В циклах И.С. Тургенева и М.Е. Салтыкова-Щедрина формируется особый тип хронотопа, основывающийся на идее раздвоенности мира; поэтика художественного пространства складывается в рамках оппозиции «горизонталь – вертикаль»,

«закрытое» – «открытое» пространство, что впоследствии будет реализовано в романах писателей.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертации нашли отражение в пяти печатных работах, в том числе в издании, включенном в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ. Основное содержание и выводы диссертационного исследования были представлены в докладах и публикациях статей и материалов по итогам научных конференций: Международная конференция в МГОПУ им. Шолохова (Москва, 2005), Межрегиональной научно-практической конференции в БелГИК (Белгород, 2005), Всероссийской научной конференции языковедов и литературоведов в СГПУ (Самара, 2005), Внутривузовских научно-практических конференциях филологического факультета БелГУ (Белгород, 2003, 2004, 2005), Научно-практическая конференция в СГУ (Ставрополь, 2009). Научные результаты исследований докладывались на заседании кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания Белгородского государственного университета. Там же состоялось предварительное обсуждение диссертации.

Структура диссертации. Основной текст диссертации состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, насчитывающего 173 источника. Общий объем диссертационной работы 183 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы диссертационного исследования, формулируется его актуальность, цели и задачи, научная новизна, теоретико-методологическая база, основные положения, выносимые на защиту, определяется теоретическая и практическая значимость диссертации, анализируются работы литературоведов, посвященные, а также обращается внимание на то, что данные произведения никогда не сопоставлялись с точки зрения жанроформирующих факторов и средств.

В первой главе – **Сюжетно-композиционные особенности циклов И.С. Тургенева и М.Е. Салтыкова-Щедрина** – рассматриваются функции заглавия, подзаголовка и эпиграфов в «Записках охотника» и «Губернских очерках», а также исследуются циклообразующие приемы в архитектонике исследуемых циклов.

Анализ поэтики циклов предреформенного периода («Записки охотника» И.С. Тургенева и «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина) в корреляции жанроформирующих факторов и средств дает

богатый материал для характеристики индивидуальной поэтики писателей. Наш анализ показал, что изучаемые циклы резко выделяются шириной диапазона историко-философской проблематики и сложностью структуры.

В переломные для России 50-60-е годы XIX века, когда буржуазные отношения, вызревавшие на русской почве, вместе с кризисом власти после поражения в русско-турецкой войне обнажили необходимость коренного переустройства жизни, и страна оказалась на пороге революции, русское сознание ощутило потребность в общенациональной опоре, в объединяющих безусловных ценностях, какими явились «Записки охотника» И.С. Тургенева и «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Эти произведения отличали объективность, доверие к факту, желание растворить авторскую точку зрения в материале, обнажив все слабые стороны русской действительности.

В предреформенный период русская литература стала ареной политической борьбы. Во многом, поэтому, с развитием демократической мысли в этот период жанр очерка, благодаря своей краткости и мобильности, активно развивается и выходит на авансцену историко-литературного процесса. Такие писатели, как И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский в своих произведениях освещали все стороны русской жизни: начиная от крестьянства и помещиков и заканчивая чиновниками и армией.

Рассматривая сюжетно-композиционную организацию циклов («Записки охотника» И.С. Тургенева и «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина), мы определили, что изучаемые произведения обладают внешней и внутренней композицией. Внешний слой композиции – это деление авторами произведений на части, разделы, главы. Такое разделение имеет своеобразную художественную значимость, так как согласно авторскому замыслу она выражает структуру целого, но подчинена и более глубоким слоям композиционного строения, образующим внутреннюю композицию произведений, обнаруживаемым через смысл заголовков, подзаголовков произведений, эпиграфов, через связь между очерками, идейно-эстетическое единство замысла и авторское видение. Внешняя композиция обоих произведений отличается друг от друга: «Губернские очерки» поделены на разделы, а «Записки охотника» на главы. И именно, как мы выделили, в «Губернских очерках» М.Е. Салтыкова-Щедрина идет сложная авторская игра планов изображения. Через отдельные разделы, главы, фрагменты, эпизоды писатель составляет эпически цельную картину жизни 50-60-х гг. XIX

века, благодаря которой осмысляются факты из исторического прошлого и настоящего, из жизни государства и обычного человека. Монтажное соединение и изображение частных судеб вырастает в эпическое полотно.

Особая циклообразующая роль в формировании художественной модели действительности принадлежит заглавию, которое прямо соотносится с проблемой многожанровости. Не смотря на то, что «Записки охотника» обозначены как «записки», но составляющие их произведения имеют выраженные признаки других эпических и лиро-эпических жанров: очерка («Хорь и Калиныч»), рассказа («Ермолай и мельничиха», «Малиновая вода», «Уездный лекарь», «Мой сосед Радилов», «Бежин луг», «Свидание», «Бирюк», «Живые мощи»), психологического рассказа («Гамлет Щигровского уезда»), повести («Чертопханов и Недопюскин» и «Конец Чертопханова»), лирического рассказа («Лес и степь»), элементов песен, пословиц, заметок автора. Можно с уверенностью сказать, что «Записки охотника» представляют собой синтез различных жанров в одном произведении.

Цикл «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина также представляется органически цельным полижанровым образованием. Его составляют: рассказы («Первый рассказ подьячего», «Второй рассказ подьячего»); портретные зарисовки («Порфирий Петрович», «Княжна Анна Львовна», «Корепанов», «Лузгин», «Владимир Константинович Буеракин», «Горехвостов»); жанрово-бытовая картина («Неприятное посещение», «Общая картина»); драматические сцены («Просители», «Выгодная женитьба», «Что такое коммерция?»); очерк-монолог («Скука»); народный сказ («Аринушка»). Мы приходим к выводу, что жанровая природа «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина сложна, необычна, она характеризуется постоянным движением, смещением установившихся границ, стремлением к подвижному, как сама изображаемая сатириком жизнь, формам. Присутствие в одном цикле совокупности различных жанров объясняется тем, что для цикла, как жанрового образования, характерно отсутствие четко закрепленной одной жанровой формы, так как цикл сам по себе создает возможности для подведения итогов национального развития в кризисную эпоху. Реализация тенденции к всеохватной масштабности при сохранении художественной автономности частей произведений предполагает наличие в нем широкой панорамы действительности.

Данная содержательная установка реализуется всеми художественными компонентами целого. Так, в подзаголовке «Губернских очерков» («Из записок отставного надворного советника

Н. Щедрина. Собрал и издал М.Е. Салтыков») указывается на то, что их автором является чиновник в отставке, что его записки публикуются выборочно. Право отбора и расположения записок Щедрина издатель оставляет за собой, и за то, что там описывается, М. Салтыков-издатель не несет никакой ответственности. Таким образом, подзаголовок берет на себя функцию основного носителя предметно-логической информации о тексте. Он сообщает читателю о жанрово-стилистических особенностях произведения, акцентирует внимание на том, что это записки определенного лица, которые содержат установку на субъективированное повествование.

При анализе сюжетно-композиционной организации рассматриваемых циклов особое внимание уделено эпиграфам, которые предпосланы очеркам «Живые мощи», «Лес и степь» (у И.С. Тургенева); «Первый рассказ подьячего», «Неприятное посещение», «Порфирий Петрович» и «Озорники» (у М.Е. Салтыкова). Если эпиграфам в «Записках охотника» присуща установка на формирование лирического восприятия художественно осваиваемого в произведениях явления, то эпиграфы М.Е. Салтыкова актуализируют тематическую и проблемную сферу изображаемого события. Каждый эпиграф содержит в себе определенную проблему. Так, например, в образе Лукерьи («Живые мощи») представлен своеобразный образ философски осмысленного народного долготерпения, а эпиграф, приписанный рассказу «Лес и степь», несет в себе оптимистический взгляд на мир и надежду на будущее, на живительные истоки самой жизни.

Мотивы взяточничества, лизоблюдства, невежества, нелепости жизни звучат в эпиграфах Салтыкова. Им свойственно обращение к актуальным темам и проблемам. Они – это своеобразное продолжение раскрытия темы «прошлых времен»: быть-то знакомство с высшим обществом уездного городка Крутогорска («Неприятное посещение») или показ конкретных чиновников («Порфирий Петрович» и «Озорники»).

Обыденная и литературная жизнь слова как будто оживает в эпиграфах, совмещающих смысл источника и авторскую концепцию изображаемого в произведении. И.С. Тургенев и М. Е. Салтыков-Щедрин, безусловно, глубоко осознавали связь разных значений слова с тем или иным укладом исторической действительности и свойственной ей своеобразию материальной и духовной культуры. Поэтому функция эпиграфов, с нашей точки зрения, в сгущенном раскрытии авторской мысли, в создании взаимодействующих пространственно-временных контекстов – историко-литературных и эстетических: сюжетных, характерологических, стилевых,

культурологических, приобретающих символическое общенациональное значение.

Из сказанного следует, что эпиграфы содержат минимальную идейно-эстетическую программу частей, актуализируют проблему, которая поставлена, или аспект, в котором могло быть воспринято описанное событие. Они, предваряя знакомство читателя с текстом, сообщают о главной теме, ожидаемых сюжетных ходах, характеристике действующих лиц, авторской позиции, эмоциональной доминанте повествования, акцентируют внимание на смысле данной части в пространстве целого, то есть образно-семантически участвуют в формировании идеологического контекста произведения. Через эпиграфы происходит оценка каждого из героев; они, устанавливая ассоциативные связи и переклички с основным текстом, провоцируют возникновение читательских ассоциаций. Их целевая установка – в воздействии на читателя.

Есть все основания констатировать, что произведения, входящие в состав «Записок охотника» И.С. Тургенева и «Губернских очерков» М.Е. Салтыкова-Щедрина, объединяются системой циклообразующих приемов, обеспечивающих единство и связность компонентов циклов в составе целого. К ним относится обрамление двумя противоположными по своей идейной значимости очерками («Хорь и Калиныч» и «Лес и степь» – у И.С. Тургенева, и «Введение» и «Дорога (Вместо эпилога)» – у М.Е. Салтыкова-Щедрина). Первые и последние очерки являются своего рода «магнитными полюсами», стягивающими и направляющими все основные художественные линии произведений. Они обобщают основные идеи всего цикла и придают ему структурную законченность.

Другой композиционный прием – группировка произведений частей по тематическим разделам («Прошлые времена», «Мои знакомцы» и т. д.). И, наконец, в обоих циклах (и в «Записках охотника» И.С. Тургенева, и в «Губернских очерках» М.Е. Салтыкова-Щедрина) есть одно главное действующее лицо, которое сюжетно участвует в повествовании и соединяет все очерки в художественно единое целое – это автор-повествователь: Петр Петрович («Записки охотника») и отставной надворный советник Николай Иванович Щедрин («Губернские очерки»).

Важнейшим циклообразующим фактором в обоих произведениях стала диалектичная реализация качеств «открытости – закрытости» частей. Каждый рассказ, входящий в цикл, это, по определению, завершенное художественное единство, при извлечении которого целое в значительной мере изменяет свой смысл, что и иллюстрируют «открытые концовки» и «подхватывающие начала»

характерные для «Записок охотника» («Мой сосед Радилов» → «Однодворец Овсянников» и др.), а в «Губернских очерках» каждый раздел играет свою роль: подготавливает почву для последующего. Например, изображенный в очерке «Озорники» (раздел «Юродивые») чиновник высшего порядка, яростный антидемократ, формалист, противник самобытности, теоретик, предстает перед читателем антиподом той фигуры практического деятеля, которую Салтыков пытался создавать в разделе «Талантливые натуры». Но Корепанов, Лузгин, Буеракин, Горехвастов, имея потенциальную возможность сделать что-то полезное, так и не смогли найти общественно применения своим способностям, которыми они обладали, поэтому в государственной власти их заменили такие чиновники, как озорник, Фейер, Порфирий Петрович.

Сюжет и в «Записках охотника» И.С. Тургенева, и в «Губернских очерках» М.Е. Салтыкова-Щедрина не сложный, не событийный, а логический. Он лишен самодвижения и автономии и служит внешней рамкой для передачи наблюдений и впечатлений рассказчика. Авторы организуют все сюжетное движение таким образом, что за ранее предуведомляют читателя о надвигающихся переменах, героях или событиях. Так, например, характеры героев не изменяются во времени, сами они не проявляют себя в каких-то поступках, в личностных стремлениях, в выражении своих жизненных позиций и взглядов. Читатель видит всё со стороны, потому что сами авторы-повествователи сохраняют полную власть над восприятием героев, корректируя их, дополняя, разъясняя.

Нами установлено, что образ дороги в исследуемых произведениях играет традиционную роль композиционного стержня, позволяющего сводить в рамках сюжета любые сословия русского общества. Данный образ у обоих писателей несет в себе семантическую нагрузку. Если у И.С. Тургенева дорога – это символ движущейся жизни с оптимистическим взглядом на будущее, то у М.Е. Салтыкова-Щедрина – это символ остановившейся жизни, связанный со смертью. Там, где нет движения вперед, нет эволюции, туда в конечном итоге приходит смерть.

Автор «Записок охотника» постоянно путешествует, постепенно знакомя читателя со всеми героями. Петр Петрович – просвещенный дворянин, гуманист, охотник, согласно условиям своего занятия, свободно передвигается в пространстве и так же свободно вступает в диалогический контакт с самыми разными людьми. В «Губернских очерках» после «Введения» образ дороги появляется эпизодически: в очерках «Обманутый поручик», «Госпожа Музовкина» и в очерке «Дорога (Вместо эпилога)». Именно в последнем очерке символика

смерти становится явной. Сцена похорон постепенно подготавливается на всем протяжении произведения, а в эпилоге предстает в полнейшей повествовательной мотивированности. В финале «Губернских очерков» нет открытой установки на что-то чудовищное. По идее, мотивам остановившегося времени и смерти, должны сопутствовать болезнь, одиночество, слезы, боль, скорбь. Но прямо они в повествовании отсутствуют, хотя есть некая смысловая неопределенная многозначность, связанная с процессией, хоронящей «прошлые времена».

Детальный анализ показал, что «Губернские очерки» построены по принципу весов. Переломным моментом в нарушении равновесия становится рассказ «Христос воскрес», более полное понимание которого возможно только после прочтения очерка «Ёлка». Данный принцип лежит в основе работы художественного механизма, формирующего многочисленные ассоциативные цепочки, обнажая несостоятельность современных социально-политических институтов: чиновники старого времени – чиновники нового времени – дворянская интеллигенция – крестьяне и богомольцы – женские и детские образы. Ими подчеркнуто главное в авторской позиции – утверждение человеческой личности как высшей ценности, необходимость пробуждения в людях общечеловеческой совести и верности своим идеалам. Но в итоге автор приходит к выводу, что «старые» чиновники продолжают брать деньги; «новые» чиновники – «неумелые», а дети испорчены средой. Отсюда следует, что ни у кого нет «прилежности к делу», некому строить оптимистическое будущее, так как старые времена прочно вросли внутрь общественного сознания, что даже после их «похорон» неизвестно, сколько они будут влиять на попытки организовать лучшую жизнь.

Вторая глава – «Специфика повествовательной организации «Записок охотника» И.С. Тургенева и «Губернских очерков» М.Е. Салтыкова-Щедрина» – посвящена исследованию особенностей повествовательной поэтики писателей, субъектных форм выражения авторских позиций, специфике психологизма И.С. Тургенева и М.Е. Салтыкова-Щедрина.

В результате анализа мы приходим к мысли, что специфическая повествовательная организация «Записок охотника» и «Губернских очерков» функционирует на стыке двух противоположных тенденций – объективации и субъективации. Поэтому в главе мы попытались представить классификацию очерков, рассказов и повестей в зависимости от используемой в них повествовательной ситуации. Такой подход позволяет выделить повествование от 1-го лица («Хорь и Калиныч», «Ермолай и мельничиха», «Уездный лекарь», «Бежин луг»,

«Малиновая вода» и др. – у Тургенева и «Первый рассказ подъячего», «Второй рассказ подъячего», «Порфирий Петрович», «Приятное семейство», «Общая картина», «Госпожа Музовкина» и др. – у Салтыкова). Особо выделяется тип повествования от 3-го лица («Конец Чертопханова» – у И.С. Тургенева и рассказов «Неприятное посещение», «Княжна Анна Львовна», «Отставной солдат Пименов» – у М.Е. Салтыкова).

Все повествовательное пространство обоих произведений организует образ автора-повествователя. У Тургенева – это образ охотника Петра Петровича, у Салтыкова-Щедрина – это надворный советник Н. Щедрин. Повествование от 1-го лица специфически формирует двойную функцию образа рассказчика. С одной стороны, он рассказывает о том, что видел; с другой – косвенно дает свою оценку происходящего. Наши наблюдения позволяют сделать вывод, что социально определенным образом рассказчика Тургенев объективирует изображаемые картины действительности. Петр Петрович – местный помещик, его имение находится в тех же краях, что и у Тургенева, нередко упоминается его дворянская родословная, но в строе мыслей и чувств повествователя важно совсем другое. В данном случае, он – охотник и люди, с которыми его сводит судьба, доверчиво сообщают ему свои тайны, обнажая перед ним свои души. На охоте стираются социальные грани, сам Петр Петрович выпадает из социальных ролей: он уже не помещик, а охотник. С охотником-рассказчиком откровенны и помещики, и крестьяне (Овсянников, Аркадий Павлович Пеночкин, Мордарий Аполлоныч, Касьян, Радилов, Хорь, Калиныч, Ермолай и др.). Петр Петрович то становится слушателем целого повествования («Уездный лекарь», «Бежин луг»), то ведет рассказ в форме беседы («Малиновая вода», «Льгов», «Одноворец Овсянников»). Охотник подслушивает разговоры действующих лиц, оставаясь незамеченным («Контора», «Свидание»), а в некоторых рассказах принимает самое активное участие («Бирюк»). Петр Петрович постоянно комментирует, оценивает происходящее и стремится передать свои мысли в лирических отступлениях и монологах.

От рассказа к рассказу проявление личностного начала автора-повествователя снижается, что проявляется в семантической трансформации названий. В заголовках первых очерков активно используются имена тех, с кем рассказчик вступает в диалоги, например, «Хорь и Калиныч», «Ермолай и мельничиха», «Мой сосед Радилов», «Одноворец Овсянников», «Касьян с Красивой Мечи». Затем появляются названия населенных пунктов («Лебедянь», «Льгов»); метафорически и предметно функционирующие

административные имена («Бурмистр», «Контора»); используются абстрактные имена и процессуальные понятия («Смерть», «Свидание», «Живые мощи», «Стучит»), а в конце цикла на первое место выходит природное начало («Лес и степь»). В рассказе «Лес и степь» присутствуют только рассказчик-охотник, читатель и пейзаж. Именно здесь положительное и восторженное отношение ко всему живому и прекрасному достигает своего апогея.

Несомненным является то, что повествователь у Салтыкова проходит через все разнородные компоненты цикла, и к нему стягиваются все образы произведения. Его образ формируется по мере чтения очерков, потому что в отдельных произведениях-частях повествователь обрисован пунктирно, отрывочно, его черты в значительной мере угадываются и домысливаются читателями. Н. Щедрин не сам автор, зато его отношение к окружающему миру равноценно авторскому. Действительно, повествователь Щедрин выражает точку зрения автора, особенно там, где в тексте появляются критические рассуждения на общественно-политические темы («Порфирий Петрович», «Озорники», «Корепанов», «Первый шаг»), но он и не равен автору – Салтыкову. Николай Щедрин – это условный литературный персонаж типа Ивана Петровича Белкина или казака Луганского, имя же настоящего автора напечатано здесь же: «Собрал и издал М.Е. Салтыков». Далее случилось так, что герой и рассказчик одного произведения Салтыкова стал личностью более сильной и авторитетной, чем его автор. Он вырос из сатирической маски и превратился в носителя резко критической точки зрения; из ревностно служащего государству чиновника – в идеологически противостоящую самодержавному государству личность. Благодаря Щедрину между различными группами характеров завязываются отчетливые художественные параллели.

Здесь следует отметить, что манера изображения у обоих писателей разная: путешествуя по Калужской и Орловской губерниям, охотник-рассказчик в «Записках охотника» описывает увиденное в лирическо-позитивском тоне, делясь своими впечатлениями. Чиновник Н.Щедрин, попадая в провинциальный город Крутогорск, также дает описания и оценку событий, явлений, ситуаций, людей (в основном, чиновников), но уже в критическом отношении.

Система «рассказывания» от первого лица приводит к персонификации повествования, то есть к возникновению художественно полноценного образа повествователя, имеющего имя, тип характера, социально и идеологически определенную принадлежность. Персонификация автора-повествователя обуславливается многогранностью образа рассказчика и изменением

типа повествования. Расширение спектра задач, поставленных перед рассказчиком, приводит к последовательной трансформации его в образ персонифицированного автора. На его присутствие указывают личные и притяжательные местоимения, личные формы глаголов. Отметим также, что появление персонифицированного автора ведет к появлению субъективно-оценочного слоя повествования. Монологи насыщаются лирическими размышлениями, показывающими героев в социальных, национальных, общечеловеческих связях.

Объективированное повествование от третьего лица также представлено в циклах («Конец Чертопханова» – у И.С. Тургенева и «Неприятное посещение», «Княжна Анна Львовна», «Отставной солдат Пименов» – у М.Е. Салтыкова). Вместе с тем есть основание полагать, что авторы, реализуясь через невыевленного повествователя, в нем программно субъективны, так как при данном типе повествования «чувствуется присутствие повествующего лица» (В.М. Головкин). Тенденция «персонификации» выявляется на протяжении всех рассказов, герои идентифицируются в системе повествования от третьего лица, которое чаще всего ограничено и незаметно переходит в повествование от первого лица, выражая тем самым отношение авторов ко всему происходящему через монологические авторские замечания и лирические отступления. Таким образом, становятся взаимопроникаемы границы обеих систем, когда изображаемая картина и рефлексия героя по ее поводу (например, Павлуша из рассказа «Бежин луг») совмещаются, когда повествователь внедряется в точку зрения персонажа, а персонаж через речевую деятельность обретает форму идентичности, поскольку авторское повествование превращается в «раскавыченный монолог» (В.М. Головкин) изображаемого героя.

Среди способов выражения авторской позиции в циклах нами выделяются и исследуются: прямое обращение к читателю, эмоционально окрашенные авторские описания природы (у Тургенева). В «Губернских очерках» авторская позиция присутствует в повествовании через ироническое отношение, проявляющееся в оценочных замечаниях. Салтыков прибегает к графическому способу закрепления авторской позиции, закреплённому, курсивом: «Да *вы* не сказали, а продолжали по-прежнему говорить *ты* и *братец*» («Неприятное посещение», курсив Салтыкова – С.Ф.). Считаем, что такие «закурсивленные» слова указывают на наличие нескольких субъектов сознания: с одной стороны – Черноборское общество, с другой – автор-повествователь. Салтыков часто использует прием введения в речь героя-повествователя «чужого» слова, которое всегда выделяется кавычками («обежденного флага», «рубашки»,

«камаринскою»). По нашему мнению, этот прием создает предпосылки для формирования в системе повествования от первого лица различных точек зрения, высекая из соотношения первичного и вторичного субъектов речи дополнительные смыслы. Скорее всего, «чужое слово» у Салтыкова-Щедрина связано с передачей оценочного отношения. Так, например, в последнем отрывке текста рассказа «Корепанов» («Губернские очерки») субъектом речи является автор-повествователь, который, используя «чужое слово», намечает дистанцию между собой и представителями провинциального печоринства. Благодаря «маске», которую надевает сатирик, изображается бесполезность жизни молодых печоринцев, а повествование вводится в сатирический модус, содержащий критику общественного порядка, против которого даже не стоит протестовать героям, не обладающим «никакими живыми началами».

Интерес представляет форма повествования в рассказе «Матушка Мавра Кузьмовна» («Губернские очерки») которая определяется чередованием «промежуточных» жанров. Разрешение конфликта происходит в так называемых письмах («По молитве») Михаила Тебенькова и игуменьи Магдалины. Жанр писем предполагает диалог адресата и адресанта, то есть созидает рефлексивную активность сознания, вызванную предыдущим письмом адресата, который тоже выступает как субъектом, так и объектом сознания. Включение «промежуточных» жанров позволило Салтыкову-Щедрину, с одной стороны, дать высказаться самим героям, а с другой – решить задачу внутреннего столкновения точки зрения носителя речи с авторским осмыслением явления.

В очерке-рассказе «Неприятное посещение», а также в разделе «Драматические сцены и монологи» синтезируются драматические и эпические формы повествования. Синтетизм связан с углублением содержательности таких компонентов жанра, как сюжетосложение и характеристология, и обусловлен усложнением идейно-нравственной и эстетической проблематики очерков. У Салтыкова-Щедрина возникают две картины изображения жизни – это политическая сатира в эпическом оформлении и изображение действительности в форме диалогических сцен. Учитывая данное обстоятельство, можно говорить о пристальном интересе писателя к драматической форме, в которой в большей степени оголен социально-нравственный конфликт и позиции противоборствующих сил, проявляющих себя через речь и поступки героев. Жизненный материал, к которому обращается писатель, острые и определенные жизненные противоречия, основные конфликты времени требовали для своего раскрытия драматических образов. Это и предопределило то, что из всех средств образно-

обобщенного построения произведения (группировка фактов и лиц, завязка и развязка, сюжет, композиция и т. д.) Салтыков-Щедрин придавал наибольшее значение драматическому конфликту.

Наблюдение над психологической манерой и Тургенева, и Салтыкова-Щедрина позволило сделать вывод о том, что повествование от лица рассказчика в произведениях ограничивает изображение героя определенным углом видения; психологическое состояние героев, их внутренний мир приоткрывается настолько, насколько это позволяют возможности восприятия охотника или чиновника, наблюдающих события и присутствующих в различных сюжетных ситуациях.

Так, например, герои у Тургенева психологически «закрыты» для повествователя, их характер обрисовывается лишь внешне. С «тонким» психологизмом писатель показывает их исключительно в отношениях с природой. Светоцветовой фон как особое выражение психологических образов формирует эстетическое отношение к героям, в раскрытии их сущности, в общей оценке всего происходящего. «Косвенный психологизм» «Записок охотника» И.С. Тургенева базируется на отборе таких деталей портрета, поведения героя и обстановки, которые проявляют себя как преимущественно предметное, внешнее выражение отдельных процессов внутренней жизни – в мимике и жестикуляции.

В «Губернских очерках» М.Е. Салтыкова-Щедрина выражено пунктирное, частичное, конспективное изображение человеческой психологии. На первое место выходит групповая, массовая психология, зависящая от социальных устоев и субъективной оценки автора. Писатель не дает развернутой и подробной картины внутренней жизни отдельного человека. Его герои представлены в блоках, например, «Мои знакомцы». «Богомолцы, странники и проезжие», «Казусные обстоятельства» и др. А весь психологический мир, или психологическое пространство данного произведения, можно разделить на две части: 1) до раздела «Праздники», когда «прошлые времена» в совокупности с сегодняшней средой начинают себя изживать; 2) после раздела «Праздники», когда на арену выходят теоретики-чиновники, так называемые неудавшиеся «талантливые натуры», стремящиеся как-то изменить ситуацию, сделать её лучше, но всё-таки стоящие на месте. В изображаемом душевном складе Щедрин идет по пути реализации противоборствующих, но взаимосвязанных тенденций: крайнее развитие отрицательных психологических «готовностей» (Михайло Трофимыч, рассказ «Надорванные», раздел «Талантливые натуры») и обычность, заурядность личных влечений, экстенсивность внутреннего бытия (например, внутренние

отчужденные натуры Желвакова, Фейера, князя Льва Михайловича). В «Губернских очерках» Салтыкова-психолога чувственная сторона жизни прямо соотносится с социальной моделью общества. Поэтому своеобразие психологизма у писателя заключено в пунктирном и частичном описании только зарождающейся внутренней жизни человека, который отрывается от влияния «прошлых времен», но, тем не менее, ещё полностью от него не освободился.

В третьей главе – «Особенности организации художественного времени и пространства в «Записках охотника» и «Губернских очерках» – художественное время-пространство рассматривается как внесубъектная форма выражения авторской позиции.

Хронотоп циклов отмечен линейностью и последовательностью: далекой образ абсолютного прошлого (раздел «Прошлые времена» «Губернских очерков» М.Е. Салтыкова) и последовательное течение событий по мере передвижения автора-повествователя в «Записках охотника» И.С. Тургенева, ограниченность пространства в рамках «микросреды» у обоих писателей.

Наши наблюдения показали, что пространственно-временные сферы исследуемых произведений строятся в двух направлениях: горизонтальном и вертикальном. Горизонтальная плоскость обоих произведений («Записки охотника» И.С. Тургенева и «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина) вмещает в себя прошлое, настоящее и будущее время персонажей. Вертикальную ось образует противопоставление «верха» (активность, действие, свет, то есть – жизнь) «низу» (бездействие, пассивность, темнота, то есть – смерть). Но в исследуемых циклах также можно выделить третью форму время-пространственной организации, воплощением которой являются активные личности, выводящие свою судьбу из общих рамок. Например, в «Записках охотника» И.С. Тургенева это Василий Васильевич из рассказа «Гамлет Щигровского уезда», в «Губернских очерках» М.Е. Салтыкова-Щедрина – это Корепанов, Лузгин, Владимир Константиныч Буеракин из блока «Талантливые натуры».

Анализ убеждает, что в «Записках охотника» И.С. Тургенева, так же как и в «Губернских очерках» М.Е. Салтыкова-Щедрина, сама Россия представлена как «живая» и «мертвая». Причем у обоих писателей «живое (открытое)» пространство составляет мир крестьян, а «мертвое (закрытое)» – мир чиновников. Оппозиция «живое – мертвое» имеет отношение и ко времени. Так, в очерках у Тургенева время движется линейно в соответствии с передвижениями охотника-рассказчика; у Салтыкова-Щедрина – от «прошлых времен» к

настоящим. У первого время движется от боярской Руси до России современной, крепостнической. У второго важно символическое противостояние «мертвого / живого» времени. С особой силой это выражается в заключение «Губернских очерков», где звучит мотив «мертвого» времени. Это объясняется, прежде всего, отрицательными взглядами М.Е. Салтыкова-Щедрина на прошлое России и его надеждами на будущее. И та социальная система, которая сформировалась в прошлом – есть причина сегодняшних мертвящих форм существования.

Структурно-семантические особенности пространственно-временных отношений в циклах определяет хронотоп дороги, который является доминирующим у обоих писателей, так как благодаря ему происходит перемещение автора и героев в пространстве и во времени. С помощью дороги появляется возможность получения большого количества новой информации. И, что ещё более важно для художественного произведения, его осмысления и анализа путем панорамного обозрения – это сопоставление и противопоставление увиденного, включение в это обозрение самых разных объектов. Хронотоп дороги в данных произведениях – ведущий, так как он помогает сравнивать обоим писателям два мира России, крестьянский («живой») и помещичий («мертвый»). Образ дороги единственный, который напоминает о том, что, например, жизнь в Крутогорске движется, но как-то медленно. И если дорога у И.С. Тургенева связана с охотой, которая играет важную синтезирующую (собирающую воедино все образы) роль, то дорога у М.Е. Салтыкова-Щедрина выполняет анализирующую роль. У Тургенева – это возможность дать как можно более широкую картину русской жизни, показать ее временные пласты, например, упоминание Петра Великого («Хорь и Калиныч»), как истинно русского человека, который уверен в своих силах, который мало занимается своим прошлым и смело смотрит в глаза будущему. У Салтыкова через дорогу представлено метафизическое понимание мира – сквозь остановившуюся (мертвенную) действительность путешествия к Смерти.

Конкретно-историческое пространство цикла Щедрина – это образ провинциального города Крутогорска, который генетически связан с образами «города» в «Ревизоре» и «Мертвых душах» Н.В. Гоголя. Однако, Крутогорск – совершенно конкретный, типически-обобщенный дореформенный губернский город Российской империи. Для него существует надежда на возможность возрождения, тогда как для Глупова («История одного города»), например, такая перспектива полностью исключена. В художественном пространстве «Губернских очерков» ключевой стала оппозиция Крутогорск –

Петербург. В художественной структуре контраст «провинция и столица» в ценностном отношении более значима, через нее создается нравственно-этическое пространство России.

И за калужско-орловской географией скрывается образ всей России. У И.С. Тургенева, также как и у М.Е. Салтыкова-Щедрина, представлены все слои населения: дворяне, буржуазия, крестьяне. И если у Тургенева «живое» и «мертвое» пространство связано с сословным миром, то пространство у Салтыкова-Щедрина – с застойностью. В неподвижном городе Крутогорске, с его лесами, степями, лугами, заброшенным садом, все остановилось и мертво: брошенный на крутом берегу городской сад, оцепеневшие окрестности, надвигающийся паром. Уже в этих образах – характерный образ мертвого пространства.

Художественный хронотоп рассматриваемых нами циклов включает в себя не только настоящее время, которое является для очерков концептуальным (очерковое время имеет ярко выраженные черты современности), но в тоже время является и историческим, благодаря упоминаниям о прототипах реальных людей, событий, общей политической атмосферы. Например, И.С. Тургенев включил в рассказ «Гамлет Щигровского уезда» факты из собственной жизни. А город Крутогорск – это явный прототип Вятки, в которой М.Е. Салтыков-Щедрин провел восемь лет ссылки. Если современное состояние русской действительности И.С. Тургенев показал в эпическом размеренном повествовании, то М.Е. Салтыков-Щедрин явно выразил свое негативное отношение к самодержавно-бюрократической системе. Отсюда четкое вертикальное сечение провинциального города по сословиям. Повествование начинается с раздела «Прошлые времена», которым через историю города, прошлое его примечательных обитателей вводится историческое время. В «Первом рассказе подьячего» и во «Втором рассказе подьячего» идет воспоминание о «прежнем времени». Указывается временная ось координат: «нынеш» – прежнее счастливое время, в котором жили достойные люди и «сейчас» – грубые чиновники и к тому же взяточники. Но постепенно «продвигаясь» к современному времени, картина жизни не меняется. Далее следуют очерки, посвященные губернатору Крутогорска, князю Чебылкину и его дочери («Княжна Анна Львовна»), канцелярии губернатора («Просители»), «воротиле-купцу» («Хрептугин и его семейство»), различным представителям провинциальной интеллигенции (раздел «Талантливые натуры»). Значительное место в «Губернских очерках» отведено народу – «Богомольцы, странники, проезжие» – и обитателям провинциального острога («В остроге»). Все события в «Губернских очерках»

представлены прерывисто, своеобразными скачками. Такое разделение не недостаток автора-повествователя, а своеобразный подход к обнажению основных моментов русской действительности.

И.С. Тургенев не дает такой четкой и разграниченной системы, но по скрытой иерархии также представляет все слои общества: дворяне – Полутыкин, Пеночкин; буржуазия – Овсянников; крестьяне – Хорь, Калиныч, Ермолай, Степушка. И.С. Тургенев как бы чередует очерки, изображая определенный тип сословия. Отсюда получается некая трансформация из пространственного мира в мир помещиков. Из такого перемещения становится ясно, что крестьянин далеко ушел от своего хозяина по ведению хозяйства. И критерием для дифференциации служат категории жизнедеятельности, самосознания и чувства ответственности за свое будущее.

В циклах писателей интересует проблема зависимости человека от его пространственно-временной среды. Так, к примеру, в «Губернских очерках» М.Е. Салтыкова-Щедрина в разделе «Талантливые натуры» говорится о новых типах «лишних людей». Корепанов, Лузгин, Буеракин, Горехвастов – это неудачный, пассивный тип чиновников, которые не смогли обустроиться в личной жизни и нашли себя в безделье, пьянстве, разглагольствованиях. Зато другие – Фейер («Второй рассказ подъячего»), Порфирий Петрович («Порфирий Петрович») и чиновник-озорник («Озорники») – прочно заняли свое место и живут, имея уважение у других обитателей города. У И.С. Тургенева в «Записках охотника» «лишним» оказался Василий Васильевич («Гамлет Щигровского уезда»). Этот талантливый, образованный человек становится помехой для уездного светского общества и, более того, незаметным для других объектом.

Писатели исследуют жизнь по «внешнему плану» (М.М. Бахтин), в хронологии событий. Чиновник Н.Щедрин, приехав в Крутогорск, знакомится с его жителями, но представляет нам события, происходящие и в городе Полорецке («Что такое коммерция?»). Петр Петрович (охотник И.С. Тургенева) также обходит с ружьем все окрестности Орловской губернии. Но у каждого из писателей происходит движение «вовнутрь», в хронологию внутренних душевных процессов персонажей (время лирическое). Изнутри И.С. Тургенев показывает нам Калиныча, мельничиху Арину, Акулину, Василия Васильевича; М.Е. Салтыков-Щедрин передает переживания Анны Львовны («Княжна Анна Львовна») по поводу её замужества. И чем больше видят авторы во время их путешествий, тем более разнится в их сознании картина предреформенной общественной жизни всей России. И.С. Тургенев на возможность развития и процветание страны смотрит с надеждой. Последний лирический этюд

«Лес и степь» написан в пафосно-восторженном стиле, с восхищением жизни. Иное происходит у М. Е. Салтыкова-Щедрина в последнем очерке «Дорога (Вместо эпилога)»: грязь, черная исковерканная дорога не радуют сердце читателя.

В поэтике И.С. Тургенева и М.Е. Салтыкова-Щедрина можно обозначить ещё несколько видов пространства – это природные топосы (река, лес, поле, луг, дорога), культово-бытовые сооружения (станции, церкви, дома). Если говорить о пейзаже как таковом, то у И.С. Тургенева он лиричен, поэтичен, романтичен. В темноте пространства рассказа «Бежин луг» создается другой, фантастический мир, в котором дети – его властители. Фантастическое и реальное пространство соединяются в рассуждениях мальчиков, свидетельствуя о широте и глубине народной фантазии. Настоящее время останавливается, передавая эстафету ирреальному, но как только наступает утро все становится на свои места. У М.Е. Салтыкова-Щедрина пейзаж внедряется в события и не приковывает к себе внимание, на первое место выходят образно представленные проблемы российской действительности, но не лирический поток жизни, явленный природой. Если рассказчик И.С. Тургенева любит траву, цветами, грибами, ягодами, которые растут в лесу, а лес для него – место, где всё живется и дышится просторно, то для М.Е. Салтыкова-Щедрина через лес важно показать бюрократический мир чиновников, способ ведения государственных дел.

Также исследуя пространственно-временные отношения в «Записках охотника» И.С. Тургенева и в «Губернских очерках» М.Е. Салтыкова-Щедрина, с точки зрения циклообразования мы выделяем два типа хронотопа, коррелирующие с типом героев: 1) «открытый» тип, олицетворяющий идею развития и изменения; 2) «закрытый» тип, связанный с мыслью об ограниченной заикленности и замкнутости на старых порядках. Эти два вида пространства взаимопроникаемые, они также реализуются в оппозиции «мир помещиков – мир крестьян». Мир крестьян в «Записках охотника» – это открытое пространство, которое воспринимается, как часть «макромира». Такое пространство ассоциируется с жизнью: Калиныч и Ермолай, которые «ближе к природе»; Бирюк-Фома, который защищает лес от вырубки; мальчики из рассказа «Бежин луг», пасущие лошадей и верующие в народные приметы и сказки; даже практичный Хорь, который рационально ведет свое хозяйство. Пространство же господ – закрытое, замкнутое. Оно характеризуется качествами с негативной семантикой: заикленность, остановка, неподвижность, тишина. Пространство купцов, как и пространство помещиков, носит яркие черты ограниченности,

замкнутости, которые моделируются сознательно в воспоминаниях и обсуждениях купцов. Палахвостов, Ижбурдин и Сокуров живут в отдельном мирке коммерции. Их взаимодействие с внешним миром происходит исключительно на основе экономических отношений.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и намечаются перспективы научной работы в данном направлении:

«Записки охотника» И.С. Тургенева и «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова явились творческими исканиями писателей, выделяются наличием концептуального начала, эпическим размахом созданной картины жизни, масштабностью заявленных тем и проблем.

В «Записках охотника» И.С. Тургенева и «Губернских очерках» М.Е. Салтыкова-Щедрина изображены все ступени провинциального царского чиновничества того времени и обнажается вся правда жизни русского крестьянства.

Анализ сюжетно-композиционной структуры циклов является одним из важнейших способов понимания идейно-эстетической сущности произведений, помогающий глубже проникнуть в авторский замысел и оценить оригинальность индивидуальной поэтики писателей.

Максимальное использование структурных возможностей цикла, а также включение эпитафий, драматических сцен (у Салтыкова), возвращение в «прошлые времена» позволило писателям исследовать действительность «со всех сторон», запечатлеть общее состояние мира и противопоставить ему духовные ориентиры.

В рассматриваемых произведениях субъективно-лирическое начало становится ведущим циклообразующим фактором, обусловившим их лирико-эпическую природу.

Исследование функций художественного пространства и времени в циклах показало, что пространство и время – основные составляющие реального мира, центральной хромотопной оппозицией которого стала оппозиция «провинция – столица», «верх» (активность, действие, свет) – «низ» (бездействие, пассивность, темнота), «закрытый – открытый» тип пространства, а также «прошлое – настоящее» время.

Одним из достижений писателей в области повествования является формирование «персональной повествовательной ситуации», маркирующее более общий процесс персонализации повествования, когда возникает новый образ повествователя – персонифицированного автора, имеющего имя, характер, развернутую социально-психологическую характеристику.

**Основное содержание диссертационного исследования отражено
в следующих публикациях:**

Статья в издании, рекомендованном ВАК РФ:

1. Фуникова, С.В. Хронотоп в поэтике очерков «Записки охотника» И.С. Тургенева и «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина [Текст] / С.В. Фуникова // Вестник Ставропольского государственного университета: Изд-во Ставропольского гос. ун-та. – № 60 (1). – 2009. – С. 101-107. (0,62 п. л.).

Статьи в других изданиях

2. Дементеева, С.В. (Фуникова, С.В.) Типологические особенности «Записок охотника» И.С. Тургенева [Текст] / С.В. Дементьева // Res philologica: Ученые записки. Вып. 4 / Отв. ред., сост. Э.Я. Фесенко. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 2004. – С. 216-220. (0,31 п. л.).

3. Дементеева, С.В. (Фуникова, С.В.) Эволюция очерка как жанра в русском литературном процессе [Текст] / С.В. Дементьева // Русский язык и литература рубежа XX-XXI веков: Специфика функционирования: Всероссийская научная конференция языковедов и литературоведов. – Самара: Изд-во СГПУ, 2005. – С. 435-438. (0,4 п. л.).

4. Дементеева, С.В. Функции названия и эпитафий в «Губернских очерках» М.Е. Салтыкова-Щедрина [Текст] / С.В. Дементьева // Социокультурная динамика региона: сб. науч. тр. участников V межрегион. науч.-практ. конф. – Белгород: БелГИК, 2005. – С. 271-275. (0,31 п. л.).

5. Дементеева, С.В. (Фуникова, С.В.) Своеобразие психологизма «Губернских очерков» М.Е. Салтыкова-Щедрина [Текст] / С.В. Дементьева // Русское литературоведение в новом тысячелетии: материалы IV-ой Международной конференции. В 2-х тт. Т. 1. – М.: «Таганка», 2005. – С. 80-83. (0,31 п. л.).

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.
Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная.
Усл.-печ.л. 1,0 Уч.-изд.л. 1,2
Тираж 100 экз. Заказ 31

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

